

<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-160-179>
<https://elibrary.ru/LYGTBA>
Научная статья
УДК 821.161.1.09"19/20"

© 2025. Е. А. Андрущенко

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
г. Москва, Россия

© 2025. А. А. Холиков

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
г. Москва, Россия

Русская поэзия в литературно-публицистических выступлениях Д. С. Мережковского 1900–1910-х гг.: от текстологии к антиномической поэтике

*Часть исследования, написанная Е. А. Андрущенко, выполнена в ИМЛИ
РАН за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00248,
<https://rscf.ru/project/24-18-00248/>*

Аннотация: В статье впервые рассматриваются случаи использования «чужого» поэтического текста в литературно-публицистических произведениях Д. С. Мережковского 1900–1910-х гг. Установлено, что цитаты из русской поэзии, корпус которых прежде не составлялся, могут функционировать по-разному: являться непосредственным источником освещения той или иной темы, быть маркером антиномического мышления писателя, а также мифологемой.

Ключевые слова: Д. С. Мережковский, А. С. Пушкин, литературная критика, публицистика, русская поэзия, цитата, текстология, антиномическая поэтика.

Информация об авторах: Елена Анатольевна Андрущенко, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8260-4961> E-mail: a.andru@mail.ru

Алексей Александрович Холиков, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, ГСП-1, 119991 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8462-0738> E-mail: aakholikov@gmail.com

Дата поступления статьи в редакцию: 24.02.2025

Дата одобрения статьи рецензентами: 29.05.2025

Дата публикации статьи: 25.09.2025

Для цитирования: Андрущенко Е. А., Холиков А. А. Русская поэзия в литературно-публицистических выступлениях Д. С. Мережковского 1900–1910-х гг.: от текстологии к антиномической поэтике // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 3. С. 160–179. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-160-179>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 7, no. 3, 2025, pp. 160–179. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 7, no. 3, 2025, pp. 160–179. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2025. Elena A. Andrushchenko

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

© 2025. Alexey A. Kholikov

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

Russian Poetry in the Literary and Journalistic Speeches of D. S. Merezhkovsky in the 1900s–1910s: From Textual Criticism to Antinomian Poetics

Acknowledgments: Part of the research written by Elena A. Andrushchenko was carried out at IWL RAS with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 24-18-00248 (<https://rscf.ru/project/24-18-00248/>).

Abstract: The authors of the article consider for the first time the cases of using “foreign” poetic text in the literary and journalistic works of D. S. Merezhkovsky of the 1900s–1910s. The research establishes that quotations from Russian poetry, the corpus of which has not been compiled before, can function in different ways: they can be a direct source of illumination of a particular topic, a marker of the writer’s antinomic thinking, as well as a mythologeme, the content of which is formed by increasing the meaning and in some cases has autoreflexive potential.

Keywords: D. S. Merezhkovsky, A. S. Pushkin, literary criticism, journalism, Russian poetry, quotation, textual criticism, antinomian poetics.

Information about the authors: Elena A. Andrushchenko, DSc in Philology, Professor, Director of Research, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8260-4961>

E-mail: a.andru@mail.ru

Alexey A. Kholikov, DSc in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, 1/51, 119991 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8462-0738>

E-mail: aakholikov@gmail.com

Received: February 24, 2025

Approved after reviewing: May 29, 2025

Published: September 25, 2025

For citation: Andrushchenko, E. A., and A. A. Kholikov. “Russian Poetry in the Literary and Journalistic Speeches of D. S. Merezhkovsky in the 1900s–1910s: from Textual Criticism to Antinomian Poetics.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 3, 2025, pp. 160–179. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-160-179>

К репрезентации поэтического текста в структуре публицистического высказывания современные исследователи подходят с разных сторон. Преимущественно — в аспекте изучения информационно-эмоционального воздействия альтернативного плана выражения на адресата для достижения положительного коммуникативного эффекта или же с точки зрения интерференции дискурсов как следствия интертекстуальности. Нас в свою очередь интересует не дискурсология и общая теория коммуникации, а текстология в ее органическом единстве с историей литературы; тот центр, в котором сходятся прикладные (эдиционные) и фундаментальные (аналитические) задачи этой базовой филологической дисциплины.

Материалом к статье послужило творчество Д. С. Мережковского в контексте ведущейся подготовки малого научного Собрания его сочинений в двадцати томах под эгидой ИМЛИ им. А. М. Горького РАН и ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН. Первый том, состоящий из двух книг, — стихотворения и поэмы — уже вышел в свет [Мережковский 2022. 1], наряду с некоторыми другими [Мережковский 2022. 5]; [Мережковский 2017. 8]; [Мережковский 2019. 9]; [Мережковский 2020. 10]; [Мережковский 2023. 11]; [Мережковский 2017. 14].

Поэзия на сегодняшний день изучена полнее иных сторон творчества Мережковского. Особенности его стиховой культуры Ю. Б. Орлицкий назвал «обманчивым консерватизмом» [Орлицкий: 35]. Однако нас будет занимать не поэзия, а творчество периода 1900–1910-х гг., когда Мережковский-поэт уступил место Мережковскому-публицисту и общественному деятелю. Если в середине 1890-х гг. писатель считал себя «прежде всего поэтом — чуть ли в самом деле не преемником Надсона, а на критическое свое амплуа смотрел, как на случайное и вполне второстепенное» [Перцов: 157], то уже в 1900-м г. признавался В. Я. Брюсову: «Мне стихи чем-то лишним кажутся. Мне пищу для души подавай, а стихи что́, детское» [Брюсов 2002: 116]. Между тем именно

Брюсов выразил желание, чтобы Мережковский издал все написанные им стихи в полном собрании: «Это будет единственная, в своем роде, летопись исканий современной души, как бы дневник всего того, что пережила наиболее чуткая часть нашего общества за последнюю четверть века. Этот исторический интерес навсегда остается за стихами Мережковского, как бы сурово ни приходилось их критиковать с чисто эстетической точки зрения» [Брюсов 2001: 305].

Готовя к изданию два прижизненных полных собрания своих сочинений, Мережковский не отнесся к стихотворным книгам с академическим вниманием. К. А. Кумпан отмечает: «Вопрос об авторском участии в поэтических томах <...> второго “Полного собрания сочинений” (и последнего прижизненного собрания его поэзии) не вполне ясен. Здесь оказались восстановленными почти все цензурные лакуны первого сборника, т. е. издатели пользовались экземпляром доцензурного тиража сборника “Стихотворения” <...>. Поскольку весь тираж был арестован, то можно предположить, что этот экземпляр (или наборную рукопись/корректуру) издателям передал сам автор, как и 17 не опубликованных до 1914 г. поздних стихотворных текстов, впервые напечатанных в 24-м томе. Но вероятно, этим авторское участие и ограничилось, о чем свидетельствуют как <...> дефекты и упущения, так и неавторская датировка большинства текстов. Нарушение авторской воли можно усмотреть и в том, что многие стихотворения, имеющие в авторских публикациях строфическое членение, здесь, в целях экономии места, напечатаны без обозначающих строфы интервалов» [Кумпан: 903].

Думается, что «нарушение авторской воли» в данном случае не сильно беспокоило Мережковского. Качество подготовки поэтических томов отражает если *не волю* писателя, то его *отношение* к содержащимся в них текстам. Дополнительным аргументом в пользу этого служит публикация стихотворных произведений в последних томах прижизненных собраний сочинений, то есть на периферии творческого наследия. «По-видимому, — отмечает А. С. Долинин, — Мережковский сам знает слабые стороны своей поэзии и относится к ней довольно пренебрежительно. В полном собрании сочинений (имеется в виду первое издание. — Е. А., А. Х.) он счел нужным поместить такие мелочи, как “Предисловие к одной книге” или “Открытое письмо Бердяеву”, а поэзию свою почти всю исключил, отверг: из всей массы стихов

едва выбрал несколько десятков стихотворений, которым еще можно придавать значение, и то, кажется, не с художественной стороны» [Долнин: 282]. Творчество Мережковского в последующие годы со всей очевидностью подтвердило этот вывод.

Итак, важнейшее место в его деятельности 1900–1910-х гг. занимали не поэтические, а литературно-публицистические выступления, в которых присутствуют стихотворные вкрапления. Но речь здесь главным образом идет о «чужом» поэтическом слове в «своем» прозаическом тексте. Собственные стихи Мережковский практически не цитирует в статьях. Среди исключений — «Дети ночи» («Чаадаев. 1794–1856», <1915>) и сделанные им же переводы «Будда» («Иваныч и Глеб», 1909), «Эдип в Колоне» Софокла («Меч», 1908), «Ипполит» Еврипида («О новом значении древней трагедии (Вступительное слово к представлению “Ипполита”»), 1902).

На первый взгляд, такие частности, как цитаты из русской поэзии (зарубежная — эпизодична), достойны особого упоминания разве что в текстологических примечаниях к томам критико-публицистических статей Мережковского. И все-таки погружение в них, как будет продемонстрировано далее, — один из продуктивных исследовательских векторов изучения творческой лаборатории писателя. Здесь сходятся интересы текстологии, истории литературы и интерпретирующей поэтики. Основой для нас стали недавно вышедший в свет одиннадцатый том Собрания сочинений Мережковского (2023) и материалы готовящегося к печати двенадцатого тома этого же издания.

В первом из них представлено четыре сборника статей («Грядущий Хам», 1906; «В тихом омуте», 1908; «Не мир, но меч. К будущей критике христианства», 1908; «Больная Россия», 1910), включающих сорок три текста, два исследования («Гоголь. Творчество, жизнь и религия», 1909; «М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества», 1909), пятнадцать статей, не вошедших в авторские книги, и восемнадцать открытых писем в редакции газет и журналов. В тридцати статьях стихотворные фрагменты выделены графически и / или в качестве цитат и реминисценций вмонтированы в текст. В числе авторов — Ф. И. Глинка («Плач пленных иудеев», 1822); А. В. Кольцов («Лес», 1837); И. А. Крылов («Ворона и лисица», 1807); М. Ю. Лермонтов («Умирающий гладиатор», 1836; «Выхожу один я на дорогу...», 1841; «Родина», 1841; к слову, в исследовании «М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» — де-

вяноста пять стихотворных фрагментов); А. Н. Майков («Пленник», <1860>); Н. А. Некрасов (стихотворения «Замолкни, Муза мести и печали!..», 1855; «Тишина», 1857; «Рыцарь на час», 1862; «З<и>не», 1876; поэма «Саша», 1855); Ю. А. Нелединский-Мелецкий («Полно льститься мне слезами...», 1796); В. С. Печерин («Как сладостно отчизну ненавидеть...», 1834); А. С. Пушкин (стихотворения «Послания цензору», 1822; «Жил на свете рыцарь бедный...», 1829; «К бюсту завоевателя», <1828–1829>; «Бесы», 1830; эпиграммы «К Н. Я. Плюсковой», 1818; «Гр. Орловой-Чесменской», 1824; «На Фотия», 1824; ода «Вольность», 1817; поэма «Медный всадник», 1833); В. С. Соловьев («Восторг души расчетливым обманом...», 1885; «Панмонголизм», 1894; «Das Ewig-Weibliche. Слово увещательное к морским чертям», 1898); Ф. И. Тютчев («Осенний вечер» («Есть в светлости осенних вечеров...»), 1840; «О, как убийственно мы любим!..», 1851; «Эти бедные селенья...», 1855; «Его светлости князю А. А. Суворову», 1863; «Ночное небо так угрюмо...», 1865). В качестве эпиграфа стихотворная цитата использована один раз — к статье «Головка виснет» (1909) из «Отчаянья» (1908) Андрея Белого (сборник «Пепел»).

В материалах следующего тома — два сборника статей («Было и будет. Дневник. 1910–1914», 1915; «Невоенный дневник. 1914–1916», 1917), включающих сорок три текста, два исследования («Завет Белинского: Религиозность и общественность русской интеллигенции», 1915; «Две тайны русской поэзии: Некрасов и Тютчев», 1915), брошюра «Зачем воскрес? Религиозная личность и общественность» (1916; отдельное издание доклада, сделанного на заседании Религиозно-философского общества в Петрограде 12 марта того же года), не менее двадцати статей, не вошедших в авторские книги, и пятнадцати открытых писем (включая коллективные) в периодические издания. Если не считать отдельный труд, посвященный Некрасову и Тютчеву (в нем — более ста восьмидесяти поэтических вставок), то также не менее чем в тридцати статьях стихотворные фрагменты из русской поэзии выделены графически и / или присутствуют в качестве цитат и реминисценций. Среди авторов — К. Д. Бальмонт («Еще необходимо любить и убивать...», <1901>); Е. А. Баратынский («На смерть Гёте», 1832); Г. С. Батеньков (поэма «Одичалый», 1827); К. Н. Батюшков («Странствователь и домосед», 1814–1815); А. Белый («Отчаянье», 1908); В. Я. Брюсов («L'ennui de vivre», 1902); П. А. Вяземский («Сфинкс, не разгаданный до гроба...»,

1868); З. Н. Гиппиус («Молитва», 1897; «Все кругом», 1904; «Дождичек», 1904; «Заклинанье», 1905; «Ночью», 1904; «Только о себе», 1904; «К ней», 1905; «Она» («В своей бессовестной и жалкой низости...»), 1905; «Она» («Кто видел Утреннюю, Белую...»), 1905; «Оно», 1905; «Опять», 1906; «Петухи», 1906; «Женское “Нету”», 1907; «Не знаю я, где святость, где порок...», 1907; «Журавли», 1908; «Земля» («Пустынный шар в пустой пустыне...»), 1908; «Петербург», 1909; «Колодцы», 1913; «Непредвиденное», 1913; «Тли», 1917); Д. В. Давыдов («Современная песня», 1836); М. Ю. Лермонтов («Ангел», 1831; «Молитва», 1837; «Тучи», 1840); Н. А. Некрасов («Памяти Белинского», 1853; «Замолкни, Муза мести и печали!...», 1855; «Рыцарь на час», 1862; «О Муза! я у двери гроба!...», 1877; поэма «Кому на Руси жить хорошо», <1863–1877>); В. С. Печерин («Как сладостно отчизну ненавидеть...», 1834); А. С. Пушкин (стихотворения «К Чаадаеву», 1818; «К портрету Чаадаева», 1820; «Кинжал», <1821>; «Недвижный страж дремал на царственном пороге...», 1824; «Подражания Корану», 1824; «Чаадаеву. С морского берега Тавриды», 1824; «19 октября», 1825; «Пророк», 1826; «Поэт», 1827; «Воспоминание», 1828; «Поэт и толпа», 1828; «К бюсту завоевателя», <1828–1829>; «Жил на свете рыцарь бедный...», 1829; «Герой», 1830; «Два чувства дивно близки нам...», 1830; «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», 1836; поэмы «Цыганы», 1824; «Медный всадник», 1833; «Полтава», 1828; пьесы «Каменный гость», 1830; «Пир во время чумы», 1830; «Эпиграмма (Из Антологии)», 1827); И. Северянин («Эпилог», 1912); В. С. Соловьев («Ex oriente lux», 1890; «Das Ewig-Weibliche. Слово увещательное к морским чертям», 1898); Ф. И. Тютчев («Silentium!», 1830; «О чем ты воешь, ветр ночной?», 1836; «И чувства нет в твоих очах...», <1830-е>; «Итак, опять увиделся я с вами...», 1846; «Море и утес», 1848; «Нет, карлик мой! трус беспримерный!», 1850; «Не знаю я, коснется ль благодать...», <1851>; «Не остывшая от зною...», <1851>; «Теперь тебе не до стихов...», <1854>; «Эти бедные селенья...», 1855; «Ватиканская годовщина», 1871; «Императору Александру II», 1873); А. С. Хомяков («Остров», <1836>). Эпиграфом стихотворная цитата дана к статье «Исполнение церкви» (1916) из посвященного А. А. Блоку стихотворения З. Н. Гиппиус «Она» («Кто видел Утреннюю, Белую...») (1905).

Очевидно, что русская поэзия весьма репрезентативна в литературно-публицистических выступлениях Мережковского 1900–1910-х гг., а проблема отбора цитируемого им материала может иметь несколько

ракурсов осмысления. С одной стороны, «чужой» стихотворный текст становится непосредственным источником по той или иной теме. Очевиднее всего — в работах о Лермонтове, Некрасове, Тютчеве. Неудивительно также, что в статье «Декабристы в 60-е годы» (1915) цитируется поэма декабриста Батенькова «Одичалый»; а в речи «В. С. Соловьев» — воспроизводится фрагмент из стихотворения философа “*Ex oriente lux*”. Закономерна отсылка к его же «Вечной женственности» («*Das Ewig-Weibliche*. Слово увещательное к морским чертям») в почти одноименном тексте о Тургеневе («Поэт вечной женственности», 1915). По такому же тематическому принципу в статье «Чаадаев. 1794–1856» встречаем цитаты из пушкинских произведений «К Чаадаеву», «К портрету Чаадаева», «Чаадаеву. С морского берега Тавриды» или из «Современной песни» Давыдова, где упоминается «маленький аббатик» — автор «Философических писем».

С другой стороны, литературная критика Мережковского постепенно приобретает все более явный публицистический характер, особенно в 1910-е гг., военные и предреволюционные. В этот период апелляцией к писательским именам задается диапазон точек зрения (чаще всего они укладываются в излюбленные бинарные оппозиции) на важнейшие общественно-политические вопросы (о патриотизме, национализме, антисемитизме, войне, революции, и т. д.), хотя формальным поводом для публикации статей остаются, как правило, события культурной жизни. В данном случае цитаты из русской поэзии выступают маркерами антиномического мышления автора, о чем уже говорилось применительно к «Невоенному дневнику. 1914–1916» [Холиков 2023].

На этом фоне отчетливо проявляется еще один способ функционирования «чужого» поэтического слова в публицистике Мережковского, когда писатель цитирует стихотворение не как созвучное его теме или общественным явлениям, которым посвящена статья, а как *мифологему*, содержание которой формируется путем приращения смысла. В подтверждение обратимся к одному из наиболее часто используемых Мережковским стихотворений Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...». Для 1900-х гг. можно отметить 6 случаев его цитирования: в статьях «Революция и религия», «Последний святой», «Немой пророк», «Чехов и Горький», а также в статье «О новом значении древней трагедии (Вступительное слово к представлению “Ипполита”»).

По первому впечатлению это цитирование представляется не вполне уместным. В статье «Революция и религия» (1907), например, строки «Все безмолвный, все печальный, / Как безумец умер он» относятся к Чаадаеву, который как «один из величайших умов России» погиб, «не сделав почти ничего, ибо то, что он сделал, ничтожно по сравнению с тем, что он мог бы сделать. Но все-таки Россия не забудет его: доселе глядит на нас, как живое, как лицо самого близкого друга и брата, это мертвенно-бледное, спокойное лицо с кроткою, горькою усмешкою на тонких, в вечном безмолвии сжатых губах. Светлую тенью прошел он в самой черной тьме нашей ночи, этот безумный мудрец, этот немой пророк, “бедный рыцарь” русской революции» [Мережковский 2023. 11: 42–43].

В статье «Последний святой» (1907) Мережковский называет «рыцарем» святого Серафима Саровского:

Этот русский мужик в лаптях, косолапый старичок, друг медведей, сам похожий на медведя — рыцарь Небесной Дамы, таинственный жених Невесты Невестной.

Он имел одно виденье,
Непостижимое уму...
С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел.

Серафим-Огненный тоже «сгорел душою» и умер в пожаре любви перед образом своей Владычицы, «всех радостей Радости» [Мережковский 2023. 11: 92].

В статье «Немой пророк» (1908) «рыцарство» отождествляется с «дон-кихотством» и связано с личностью Вл. Соловьева:

...безумная влюбленность в прошлое, реставрация, искусственное восстановление павшего, т. е. в последнем счете, реакция, пусть невинная, даже святая, но все-таки подлинная реакция, и есть сущность всякого дон-кихотства, которое в русском переводе значит славянофильство. И в этом смысле Вл. Соловьев — тайный славянофил, несмотря на всю свою явную полемику с крайним правым крылом славянофильства.

Он имел одно виденье,
Непостижное уму...

Воротясь в свой замо́к дальний,
Жил он, строго заключен.
Все безмолвный, все печальный,
Как безумец, умер он [Мережковский 2023. 11: 597].

Наконец, в статье «О новом значении древней трагедии» (1902) «рыцарем бедным» называется Ипполит Еврипида:

В этой трагедии точно так же, как в религиозных откровениях Пифагора и Орфея, в диалогах Платона о неземной любви, чуть брезжит в темной глубине язычества первый луч того нового христианского света, который впоследствии сквозь отходящие мглы в сумерки средних веков загорится утренней зарей Возрождения в песнях трубадуров, в любви рыцарей, в любви Данте к Беатриче, Франциска Ассизского к Небесной Даме:

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатление
В сердце врезалось ему.
С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел
И до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.
Полон чистою любовью,
Верен сладостной мечте.
А. М. D. своею кровью
Начертал он на щите.

А. М. D. значит *Alma Mater Dei*. Ипполит, омраченный тенью и скорбью средних веков — это и есть «Бедный Рыцарь». Ипполит ведь тоже одинокий, непонятый толпою, мечтатель, «несчастный», «бедный рыцарь» своей богини; тоже мученик; тоже кровью своею запечатлел он союз с А. М. D., с небесною Девкою. И осиянный светом ее, обвеянный благоуханием уст ее, умирающий Ипполит мог бы воскликнуть подобно бедному рыцарю: *Lumen Coeli, Sancta Rosa!* — Свет Небесный, Святая Роза! Ипполит — ученик Орфея. Мы знаем, что первые христиане в римских катакомбах изображали под видом Орфея Христа [Мережковский 2023. 11: 658].

Мережковский цитирует здесь ту редакцию, которая была доступна читателем вплоть до 1920 г., когда описанная В. Е. Якушкиным в «Русской старине» за 1884 г. первая редакция как черновой автограф второй была впервые разведена с текстом романа Франца из «<Сцен из рыцарских времен>» (1835). Как известно, П. А. Ефремов в издании сочинений А. С. Пушкина (т. III, 1880) Я. А. Исакова печатал контаминацию из стихов 1 и 2 редакции. Об этом существует обширная научная литература, в том числе основательная работа Р. В. Иезуитовой [Иезуитова: 139–176]. Расхождения между двумя редакциями объяснить странный характер сближения пушкинского стихотворения с философами, русским святым и Еврипидовым Ипполитом, таким образом, не может. Обратим внимание и на то, что во всех названных случаях сохраняется цитирование двустушия «Он имел одно виденье, / Непостижное уму».

Думается, истоком специфической интерпретации Мережковским пушкинского текста, открывающим пути к цитированию его стихотворения в публицистике, стал анализ «Идиота» в его книге «Л. Толстой и Достоевский» (1900–1902). Здесь сформировалась мифологема, которая, отделившись от исходного текста, помещается затем в иные контексты. Мережковский работал с «отражением отраженного», так что осмысление пушкинского стихотворения Достоевским становится отправной точкой для его дальнейшей интерпретации. Посмотрим, как она оформляется в разборе романа.

Глаза ее блистали, — говорит Достоевский, — и легкая, едва заметная судорога вдохновения и восторга раза два прошла по ее прекрасному лицу, — пересказывает Мережковский текст. — Она прочла:

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.
Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.

.....

Полон чистою любовью,
Верен сладостной мечте,
А. М. Д. своею кровью
Начертал он на щите.
.....
Возвратясь в свой замок дальний,
Жил он строго заключен.
Все безмолвный, все печальный
Как безумец умер он.

«Как безумец», — продолжает Мережковский, или — как «идиот»: «замок дальний», из которого вышел и в который вернулся князь Мышкин, оказался для него швейцарскою лечебницею душевно больных; но не внешний, а внутренний необычайный параболический путь, описанный в духовных пространствах князем Мышкиным и Бедным Рыцарем — один и тот же: из одной пустыни через «мир» и борьбу с неверными сынами этого «мира» — «сарацинами» — в другую, еще бо́льшую пустыню; из одного безмолвия через воинствующую проповедь любви — таинственной «Дамы» своего сердца — *Lumen Coeli, Sancta Rosa*, «Великой Матери, упования рода человеческого» — в другое, еще бо́льшее безмолвие — таков этот путь; оба рыцаря, как замечает Аглая, несколько похожи в своей трагической судьбе на Дон Кихота; но только это Дон Кихоты не прошлого, а будущего — «слишком ранние предтечи слишком медленной весны» (здесь, отметим, как и в статье о Чаадаеве, Мережковский цитирует свое же стихотворение «Дети ночи». — Е. А., А. Х.). Идиот Достоевского — западноевропейский, феодальный, средневековый Бедный Рыцарь, переведенный на русский, то есть на будущий всемирный язык [Мережковский 2020. 10: 399–400].

У Мережковского безумец проповедует любовь к Даме и одновременно к «Великой Матери, упования рода человеческого» — это народная мифологема Матери-сырой-земли (которая в национальной лингвокультуре знаменует более древнюю — Великую Богиню мать), Дон Кихот и «средневековый Бедный Рыцарь, переведенный на русский, то есть на будущий всемирный язык» [Мережковский 2020. 10: 400].

Такая семантика возможна в свете представлений о сути рыцарства, как его понимает Мережковский, то есть в религиозном созерцании как переосмыслении всех «благородных дохристианских ценностей».

Рыцарем он называет наследника «по крови», который хочет «сделаться наследником не только по крови, но и по духу, не только потомком, но и предком. Рыцарство не поняло, но почуяло, — пишет Мережковский, — что значит это слово Христа, полное высшим новым “аристократизмом”: много званых, мало избранных. Рыцарство не исполнило своей задачи, потому что стремилось к ней слишком рано и бессознательно, — но задача была истинная; <...> освятить не освященное или недостаточно освященное церковью, с церковной точки зрения, все еще слишком светское, языческое; <...> От кровного “звания” к этому духовному “призванию” и устремилось рыцарство войною с неверными, со всеми насильниками (рыцарство есть воплощенное отрицание аскетического “непротивления злу”) и служением “Даме сердца”, которая есть только “непостижимое уму виденье” “Великой Матери, упования рода человеческого” – “А. М. D.”. В этом смысле рыцарем был и Данте, жених Беатриче, и Франциск Ассизский, любовник “Небесной Дамы Бедности”, “трубадур Иисуса Христа» [Мережковский 2020. 10: 401]. «Виденье, непостижное уму» рыцаря, соотносится Мережковским со «священной болезнью» князя Мышкина. Хотя он и не сможет перейти в иное состояние, «но переход все-таки должен совершиться: “человек должен перемениться физически”, как утверждает Кириллов. “В моментах высшей гармонии”, которые испытывает князь Мышкин перед припадками падучей, в эти страшные “пять секунд” <...> и совершается, может быть, начало “физической перемены человека”. В эти-то пять секунд и Бедный Рыцарь имел одно виденье, / Непостижное уму» [Мережковский 2020. 10: 404].

В авторском мифе о Чаадаеве ключевыми являются определения «немой пророк» и «“бедный рыцарь” русской революции», то есть испытывающий платоническую любовь — как жених к Даме — к революции. Определение «немой пророк» отсылает к одноименной статье, посвященной Вл. Соловьеву, который также влюблен — «в прошлое», является Дон Кихотом — то есть рыцарем — реставрации, реакции, «что и есть сущность всякого дон-кихотства, которое в русском переводе значит славянофильство» [Мережковский 2023. 11: 597]. Серафим Саровский — целомудренник, безбрачник, жених «своей Владычицы, “всех радостей Радости”» [Мережковский 2023. 11: 92]. И, наконец, Ипполит Еврипида — мечтатель, «несчастный», «бедный рыцарь» своей богини Артемиды; тоже мученик и ученик Орфея.

Если рассмотреть статьи 1900-х гг., в которых цитируется этот пушкинский текст, по хронологии, выстраивается внутренняя связь между ними: Ипполит — мученик, ученик Орфея / Христа, Чаадаев — мученик, жених Дамы — русской революции, Серафим Саровский, мученик, исповедующий «вечную женственность», а «в католическом культе Мадонны и в православном почитании Богородицы — уклон всего христианства — от религии Сына к религии Матери» [Мережковский 2023. 11: 93], и Соловьев — мученик, святой («Недаром в лице этого русского современного интеллигента мелькают черты Франциска Ассизского или Сергия Радонежского» [Мережковский 2023. 11: 596]), которому характерна «безнадежная романтика прошлого, желание сделать прошлое не только настоящим, но и будущим, таково безумие этого печального рыцаря Прекрасной Дамы. — “Я имею намерение остаться ей верным”, решил он с гордым отчаянием, опустил забрало и “с лица стальной решетки ни пред кем не подымал”» [Мережковский 2023. 11: 597].

В публицистике Мережковского, таким образом, цитирование пушкинского стихотворения оказывается формой предъявления мифа о сверхисторическом христианстве, религии Духа святого, в которой Сына с Отцом примиряет Мать, Вечно-Женственное. В этом свете и следует, на наш взгляд, отвечать на вопрос о причинах высокой частотности упоминания пушкинского текста. В 1910-е гг. функциональная преемственность в его использовании Мережковским сохраняется. Так, статья «Чаадаев. 1794–1856» транслирует авторский миф, уже знакомый нам по «Революции и религии», о «пророке Декабрьского восстания», «рыцаре бедном», «прирожденном девственнике» [Мережковский 1917: 156, 160]. Вместе с тем в этот период многократно усиливается созвучность общественно-политическим явлениям. В связи с Чаадаевым — это «непостижное уму» видение всемирности, «всемирного соединения людей» — в «дни всемирного разъединения людей, всемирной войны» [Мережковский 1917: 156, 163]. То же — по поводу И. С. Тургенева, «всемирного поэта Вечной Женственности»: «Полон чистою любовью, / Верен сладостной мечте, / А. М. Д. своею кровью / Начертал он на щите» [Мережковский 1917: 76]. В «Поэте вечной женственности» (1915) раздается призыв вспомнить о Тургеневе, чья творческая мысль возникла из «глубины религиозного духа народного»; о певце «вечной любви», которой не хватает в «дни враж-

ды нечеловеческой» [Мережковский 1917: 75, 77]. После начала боевых действий на русско-турецком фронте выходит статья «Два ислама» (1914), где пушкинские строки используются для противопоставления исламского и христианского отношения к войне: «*Lumen coeli, sancta Rosa!* / Восклицал он, дик и рьян, / И как гром его угроза / Поражала мусульман». Мережковский продолжает:

Но недаром, «он имел одно виденье, непостижное уму:
Все безмолвный, все печальный,
Как безумец умер он.

Еще безумнее — Франциск Ассизский, в Саладиновом лагере, умоляющий неверных сложить оружие, прекратить войну, «ради Христа»; еще безумнее Л. Толстой с «Войной и миром»; еще безумнее тот русский солдат, который ранил австрийца штыком, а потом взял его к себе на плечи, долго нес и, когда тот умер, сошел с ума от жалости и ужаса [Мережковский 1917: 186–187].

В более ранних литературно-критических работах Мережковского стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный...» цитировалось на страницах брошюры «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893). Писатель использовал пушкинские строки («Он имел одно виденье, / Непостижное уму, / И глубоко впечатление / В сердце врезалось ему») для характеристики Н. К. Михайловского: «Вот человек! За 25 лет работы он не изменил себе ни одним движением, ни одним помыслом, ни одним чувством и не изменит до последнего вздоха» [Мережковский 2019. 9: 56]. В судьбе одного из лидеров народнического течения писатель усмотрел героическое, рыцарское служение своему идеалу. Недаром слова Пушкина предпосланы выражению Г. Гейне о «рыцарях Духа Святого» [Мережковский 2019. 9: 57]. Скорее всего, Мережковский сделал отсылку к стихотворению «Горная идиллия» («*Bergidylle*», 1824) из «Путешествия по Гарцу» («*Die Harzreise*», 1826) сборника «Книга песен» («*Buch der Lieder*», 1827). Последняя строфа второй части текста завершается именно этим выражением: «...*Ritter von dem heil'gen Geist*» (буквально: «...Рыцарь Святого Духа») [Heine: 294]. Наиболее близким к оригиналу оказался перевод П. И. Вейнберга, выполненный в 1859 г.:

Так смотри сюда скорее
Ты, ребенок милый мой,
И целуй меня смелее —
Рыцарь Духа пред тобой! [Гейне: 127].

О популярности этой строки среди современников Мережковского свидетельствует и тот факт, что к 50-летию кончины Гейне В. В. Уманов-Каплуновский написал стихотворение под названием «Рыцарь Духа» (1906). Примечательно, что «в рыцарском служении Михайловского так же, как в “бледной, кнутом иссеченной Музе” Некрасова», молодой Мережковский видел не «политико-экономическую необходимость», а эстетическое начало, «высшую красоту любви» и «божественный идеализм» [Мережковский 2019. 9: 57]. Безусловная позитивная оценка писателем этого личностного качества сохранится и в зрелые годы.

В 1912 г. он будет критиковать «хорошего реалиста» Л. Н. Андреева за художественную слабость в изображении интеллигента — главного героя пьесы «Профессор Сторицын» (1912):

Кажется, драма, по замыслу автора, заключается в борьбе вечного идеалиста-романтика с грубостью, пошлостью и уродством современной русской жизни. Главный недостаток пьесы — неясное, сбивчивое отношение автора к герою. Трудно понять, как он относится к нему, — положительно или отрицательно. Если положительно, то сочувствия своего он не сумел сделать заразительным. Бедный Сторицын страдает одною немощью, которая ежели кому и прощается, то менее всего идеалистам, — глупостью. Это не детская простота, святая тихость, безмолвность ума, как у *Бедного Рыцаря* (курсив наш. — Е. А., А. Х.), а широковещательная, громоподобная, напыщенная и назойливая глупость самого обыкновенного глупца [Мережковский 1912: 7].

Следовательно, говоря о функциональной преемственности в обращении к пушкинскому тексту «Жил на свете рыцарь бедный...» на разных этапах творческого пути писателя, необходимо разделять *механизм* и *цель*. Применительно к более поздним статьям Мережковского мы видим, как поэтическое слово работает для оценки общественно-политических, а не эстетических явлений. При сохранении

прежнего способа работы с «чужим» текстом, апробированного сначала в художественной критике, Мережковский берется за решение новых, социально-идеологических задач. И если до увлечения «религиозной общественностью» строки из рассмотренного стихотворения Пушкина были для критика одними из многих, то в литературно-публицистическом контексте начала XX в. они выдвинулись на передний план.

Данный ракурс правомерно дополнить автобиографическим аспектом изучения писательского «мифотворчества». В ряде ситуаций «чужое» поэтическое слово функционирует у Мережковского вместо «своего» в авторефлексивной функции. Писатель использует стихотворный фрагмент как прецедентный для себя текст. Отсюда, вероятно, — периодическое отсутствие указаний на авторство цитат, хотя не все из них можно назвать хрестоматийными в массовом читательском сознании (многие статьи до включения в отдельные издания выходили на страницах популярных газет, реже — журналов). Названный аспект обоснован применительно к таким «вечным спутникам» Мережковского, как Пушкин и Лермонтов, Тютчев и Некрасов. Пары отнюдь не случайные в контексте биографии писателя. Напомним, что в «Автобиографической заметке» (1913) к образцам для поэтического подражания Мережковский отнес только Пушкина, тогда как в другом литературно-критическом тексте настаивал, что в ранние годы гораздо больше находился под влиянием поэзии Лермонтова: «Пушкина я тогда не любил: он был для меня взрослый; Лермонтов такой же ребенок, как я» [Мережковский 2023. 11: 617].

Словом, обширный и разнообразный материал русской поэзии в литературно-публицистических статьях Мережковского открывает перед текстологом перспективу не «глухого», констатирующего описания (фиксации/идентификации) авторских способов отбора и структурирования цитат, а их концептуального объяснения (аналитической интерпретации) в обозначенных нами ракурсах. Пристальное внимание при этом должно уделяться видам искажений «чужого» текста, их типологии, формам трансформации и, наконец, причинам тех или иных решений автора. Не секрет, что Мережковский допускал весьма вольное обращение с цитируемым материалом: менял лексико-грамматические формы и слова, сокращал фразы, нарушал их последовательность внутри воспроизводимого фрагмента, отрывал от первоначаль-

ного контекста, контаминировал разные источники [Андрущенко], [Холиков 2025].

Несмотря на обилие локальных наблюдений над механизмами работы Мережковского с «чужым» словом, до сих пор отсутствуют целостные представления об этой грани творческой лаборатории писателя. Тем важнее подойти к ней не с одной лишь технической стороны, а комплексно, учитывая конструктивную роль антиномического сознания писателя-символиста в построении не только художественного и религиозно-философского (о чем уже сказано основательно), но и литературно-публицистического высказывания. Поэзия в нем, как это ни парадоксально, выполняет конституирующую функцию; соответственно, требует дальнейшего обсуждения, методологической рефлексии и сама по себе, и в контексте эпохи.

Список литературы

Источники

Брюсов В. Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма / сост., вступ. ст. Е. В. Ивановой. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 415 с.

Брюсов В. Д. С. Мережковский как поэт // Д. С. Мережковский: pro et contra: Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников: Антология / сост. А. Н. Николюкин. СПб.: РХГИ, 2001. С. 297–306.

Гейне Г. Полн. собр. соч.: в 6 т. / под ред. и с биогр. очерком П. Вейнберга. 2-е изд. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1904. Т. 5. 407 с.

Мережковский Д. С. Невоенный дневник. 1914–1916. Пг.: К-во «Огни», 1917. 224 с.

Мережковский Д. С. Новая пьеса Л. Андреева // Русское слово. 1912. 15 (28) декабря. № 289. С. 7.

Мережковский Д. С. Собр. соч.: в 20 т. М.: Дмитрий Сечин, 2022. Т. 1. Кн. 1–2: Стихотворения и поэмы / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. К. А. Кумпан. 1870 с.

Мережковский Д. С. Собр. соч.: в 20 т. М.: Дмитрий Сечин, 2022. Т. 5. Кн. 1–2: Царство Зверя / подгот. текста, доп., прил., сопровод. ст. А. В. Лаврова. 1288 с.

Мережковский Д. С. Собр. соч.: в 20 т. М.: Дмитрий Сечин, 2017. Т. 8: Вечные спутники / сост., подгот. текста, примеч., послесл. Е. А. Андрущенко. 447 с.

Мережковский Д. С. Собр. соч.: в 20 т. М.: Дмитрий Сечин, 2019. Т. 9: О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы: Статьи 1880–1890-х гг. / сост., подгот. текста, послесл. А. А. Холикова; примеч. А. А. Холикова при участии О. А. Коростелева. 332 с.

Мережковский Д. С. Собр. соч.: в 20 т. М.: Дмитрий Сечин, 2020. Т. 10: Л. Толстой и Достоевский: исследование / подгот. текста, послесл. Е. А. Андрущенко; примеч. Е. А. Андрущенко при участии Н. Г. Андрущенко. 816 с.

Мережковский Д. С. Собр. соч.: в 20 т. М.: Дмитрий Сечин, 2023. Т. 11: Грядущий Хам: Статьи и исследования 1900–1910 гг. / подгот. текста, послесл., примеч., имен. указат. Е. А. Андрущенко. 1088 с.

Мережковский Д. С. Собр. соч.: в 20 т. М.: Дмитрий Сечин, 2017. Т. 14: Тайна Трех: Египет и Вавилон. Тайна Запада: Атлантида — Европа / сост., подгот. текста, послесл., коммент. О. А. Коростелева и Е. А. Андрущенко при участии А. В. Журбиной. 807 с.

Перцов П. П. Литературные воспоминания. 1890–1902 гг. / вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова. М.: НЛЮ, 2002. 496 с.

Heine H. Buch der Lieder. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1827. 372 s.

Исследования

Андрущенко Е. А. Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д. С. Мережковского. М.: Водолей, 2012. 248 с.

Долинин А. Дмитрий Мережковский // Русская литература XX века (1890–1910): в 2 кн. / под ред. проф. С. А. Венгерова. М.: XXI век – Согласие, 2000. Кн. 1. С. 279–332.

Иезуитова Р. В. «Легенда» // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов: История создания и идейно-художественная проблематика: сб. ст. Л.: Наука (Лен. отд.), 1974. С. 139–176.

Кумпан К. А. «...Ряд сборников его поэзии кажутся стройными вехами пройденного им пути» // Мережковский Д. С. Собр. соч.: в 20 т. М.: Дмитрий Сечин, 2022. Т. 1. Кн. 1. С. 763–900.

Орлицкий Ю. Б. Стих и проза в культуре Серебряного века. М.: ЯСК, 2018. 904 с.

Холиков А. А. Круг русских и европейских писателей в «Невоенном дневнике. 1914–1916» Д. С. Мережковского // Мережковские и Европа / под общ. ред. В. В. Полонского; ред.-сост.: Е. А. Андрущенко, О. А. Блинова, В. М. Введенская. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 60–81.

Холиков А. А. Мережковский и окрест... Текстологические разыскания между эстетикой и политикой: от «упадка» литературы до распада империи. М.; СПб.: Нестор-История, 2025. 288 с.

References

Andrushchenko, E. A. *Vlastelin "chuzhogo": tekstologiya i problemy poetiki D. S. Merezhkovskogo* [Lord of the "Stranger": Textual Criticism and Problems of Poetics of D. S. Merezhkovsky]. Moscow, Vodolei Publ., 2012. 248 p. (In Russ.)

Dolinin, A. "Dmitrii Merezhkovskii" ["Dmitry Merezhkovsky"]. Vengerov, S. A., editor. *Russkaia literatura XX veka (1890–1910): v 2 kn.* [Russian Literature of the 20th Century (1890–1910): in 2 books], vol. 1. Moscow, XXI vek – Soglasie Publ., 2000, pp. 279–332. (In Russ.)

Iezuitova, R. V. "Legenda" ["Legend"]. *Stikhotvoreniia Pushkina 1820–1830-kh godov: Istoriia sozdaniia i ideino-khudozhestvennaia problematika* [Pushkin's Poems of the

1820s–1830s: History of Creation and Ideological and Artistic Issues]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 139–176. (In Russ.)

Kumpan, K. A. “...Riad sbornikov ego poezii kazhutsia stroinymi vekhami proidennogo im puti” [“...A Number of Collections of His Poetry Seem to Be Harmonious Milestones of the Path He Has Traveled”]. Merezhkovskii, D. S. *Sobranie sochinenii: v 20 t.* [Collected Works: in 20 vols.], vol. 1, book 1. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2022, pp. 763–900. (In Russ.)

Orlitskii, Iu. B. *Stikh i proza v kul'ture Serebriannogo veka* [Verse and Prose in the Culture of the Silver Age]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2018. 904 p. (In Russ.)

Kholikov, A. A. “Krug russkikh i evropeiskikh pisatelei v ‘Nevoennom dnevnike. 1914–1916’ D. S. Merezhkovskogo” [“A Circle of Russian and European Writers in the ‘Non-Military Diary. 1914–1916’ by D. S. Merezhkovsky”]. Polonskii, V. V., E. A. Andrushchenko, O. A. Blinova, and V. M. Vvedenskaia, editors. *Merezhkovskie i Evropa* [The Merezhkovskys and Europe]. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 60–81. (In Russ.)

Kholikov, A. A. *Merezhkovskii i okrest... Tekstologicheskie razyskaniia mezhdru estetikoi i politikoi: ot “upadka” literatury do raspada imperii* [Merezhkovsky and Surroundings... Textological Enquiries Between Aesthetics and Politics: From the “Decline” of Literature to the Collapse of the Empire]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2025. 288 p. (In Russ.)